

благородным любопытством обладают в полной мере. Им важно многое: и последний роман Алдайка в «Иностранной литературе», и статья Василия Быкова в «Литературке», и книга Валентина Распутина, и роман Чингиза Айтматова в «Новом мире»: «Зачем он не оставил никакой нам надежды?!». И божественный Данте, и стихи Цветаевой, и проза Булгакова, и горестная история кавалера де Грие и Манон Леско... «Вчера мы читали Мюссел» — слышу я в телефонную трубку. И знаю: читали вслух, как бы пробуя эту прозу на вкус, на продление слова во времени и пространстве. Читали что-то такое, что, быть может, и не самое любимое, но к которому хочется вернуться, чтобы услышать музыку слова, ритм стиха или прозы, а то и просто обратиться — посредством давно забытого — к воспоминаниям.

«Старые книги — особые, — говорил Николай Васильевич, — они пахнут молодостью...» При этом он бережно перебирал страницы наиболее любимой книги — «Евгения Онегина», подарочное издание «Academia» 1933 года, величественный и в то же время невыразимо

«пламенно-неистового» Цявловского художник. С ними его связывали годы дружбы. Возможно, это они, на вечерах «медленного чтения» Пушкина помогли Кузьмину так познать поэта и его произведения, выработать свой метод работы над иллюстрацией книги?

«От чтения «вдоль и поперек» в произведении обнаруживаются черты, бывшие до того скрытыми, вы получаете доступ в творческую лабораторию писателя, станавитесь, можно сказать, «участником в деле», — запишет много позже Кузьмин в своих заметках об искусстве книги. И, верный себе, заключит с легкой иронией: «Этот необходимый для иллюстратора способ медленного чтения мог бы быть, надо думать, недурным методом и в литературной учебе»...

Не в этих ли словах ключ к разгадке тайны — да, тайны! — великолепного, виртуозного владения словом большими художниками... Слово! К нему обращались мастера наши тогда, когда, казалось, становилось им тесно в привычной стихии красок, линий, пластических образов. Грабарь и Добужинский, Петров-Водкин и Коровин,

ская академия» Цявловского дала мне очень, очень многое, например, полное знание «Евгения Онегина». Я не раз видел, что очень начитанные, даже интеллигентные люди путают либретто к опере Чайковского с поэмой Пушкина... Директор издательства «Academia» искал у меня в рисунках Гремина, а одна ученая дама, взглянув на мой рисунок — свидание Татьяны с Онегиным, — так и сказала, с чувством, полагая, что цитирует Пушкина: «О боже, как обидно и как больно!». Наилучший способ представить себе живого Пушкина — прелестная маленькая книжка Ашукина, которая так и называется «Живой Пушкин», — это моя пушкинская академия на всю жизнь! Я даже сочинял стихи. Хотите прочту?

— Жена рыдает:

«Пушкин! Пушкин!

Кругом друзей

притихший строй...

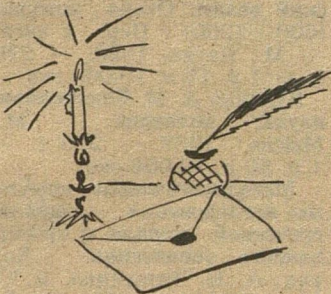
На белом полотне подушки

Поэта профиль восковой.

— Какие грустные стихи!

— Грустные. Мне всегда грустно оттого, что бессильны я что-либо изменить в трагедии поэта, отчего Данзас не защитил его грудью, отчего люди — друзья ведь его настоящие, зная о дуэли, не расстроили ее?..

...Много лет назад в Москве активно работали в графике художники группы «Тринадцать», и среди них — крупнейшие наши иллюстраторы Кузьмин, Маврина, Миласhevский. В. Миласhevский, так же как Кузьмин и Маврина, владел искусством слова. Он оставил замечательные записки о времени, в котором дове-

лось жить и работать, о друзьях, о вере и любви к искусству. Он писал: «С подлинным искусством хочется жить. Мягкий ласковый воздух окутывает предметы на пейзажах и натюрмортах Кузьмина... Стоит ли говорить, насколько счастлива его мысль заняться иллюстрациями к Пушкину: не только к его произведениям, но и к самой жизни этого античного человека и поэта... Пушкин движется, живет, сидит на диване. Неповторимая жизнь поэта заново светится в этих листах».

Метод работы Кузьмина — это меньше всего «работа». Это письма к близким друзьям...

И письма эти — тоже живут своею жизнью, движутся во времени и пространстве, приходят к нам... Придут, верно, и к потомкам нашим. Я уверена: придут.

Елена ПЛАХОВА.

НЕЗАХОДЯЩЕЕ СОЛНЦЕ

ПАМЯТНЫЕ ВСТРЕЧИ С ХУДОЖНИКАМИ НИКОЛАЕМ КУЗЬМИНЫМ И ТАТЬЯНОЙ МАВРИНОЙ

а длинными, похожими на карандашные, струями-птрихами, наискосок заштриховывая тихую московскую улицу, рядом с которой шумит и низвергается Ленинградский проспект...

Странное дело: здесь, на улице Усиевича, я чувствую себя, как на тихой подмосковной станции. Вот весной я ступаю с асфальта на дорожку между газонами дома № 3 — и вижу голубой цветок — гусиную лапку, нежно-розовую медуницу — и где еще, кроме Ботанического, в Москве их встретишь? Я поднимаюсь вверх, под самую крышу, — и попаду в сад в цвету — рабочую комнату двух художников — Николая Васильевича Кузьмина и Татьяны Алексеевны Мавриной, и ощущение это усиливается по мере того, как Татьяна Алексеевна — всегда неожиданно — показывает свою новую папку с рисунками, которые «зарисовались» совсем недавно, после путешествия по дорогам Подмосковья, или новую книгу, или новый альбом-дневник... Мы ведем беседу, в которой Николай Васильевич поначалу участия не принимает, вслушиваясь в наши оживленные голоса и смех. А, впрочем, быть может, я и сама виновата в этом: слишком бодрячески прозвучал вопрос о здоровье, на который и последовал, как удар рапиры, ответ в тон: «Все лучше и лучше!»

Но тема становится все более общей, интерес представляющей для всех.

Я любопытна. Мне важно знать, что читают люди, чтобы понять их. Мне очень хочется понять, что скрывается за широтой вкусов: всеядность, желание поспеть за всем или та жажда познания, которая и толкнула людей на кругосветные путешествия, на полеты в космос и изучения морских глубин, а в конечном счете — на познание человека и его бытия.

Николай Васильевич и Татьяна Алексеевна этой жаждой, этим веселым интересом к людям, к жизни, этим

изящным том, «одетый» в суперобложку теплого солнечного цвета. На ней — рисунок китайской тушью, пером: Онегин и Пушкин...

Эту книгу, конечно, знают и молодые читатели, и старые, да все, что любит нашу отечественную книжную графику. Такие произведения, как иллюстрации Кузьмина к поэме Пушкина, и есть ее слава и гордость, ее вечный прекрасный праздник. Ощущение это не покидает меня долго — даже тогда, когда последняя страница книги, проиллюстрированной этими легкими невесомыми руками больше пятидесяти лет назад, перевернута.

Я представляю себе, как эти руки, невесомые и легкие, так же невесомо, легко вели перо с тушью, а изпод пера вился легчайший, «в одно касание» рисунок, удивительный пушкинский рисунок. Кажется, проникаясь его легкостью, особым — только ему присущим «очарованием небрежности» (выражение Н. В. Кузьмина), художник создал свой шедевр — иллюстрации к «Евгению Онегину» и к множеству других произведений великого поэта.

...Сегодня мы вновь читаем Пушкина, совсем как в далеком далеке, много-много лет назад читал Николай Васильевич в доме у Вересаева.

«Бесценной школой постижения великого поэта» назвал эти встречи, беседы и книги Вересаева и другого выдающегося пушкиниста —

Бенуа и Рерих... Имена можно называть и дальше. В плену эту, произвольно мною составленную, входят, конечно же, Кузьмин и Маврина. Словом они владеют виртуозно. Замечательные писатели они. Я много раз читала книги Николая Васильевича — «Круг царя Соломона», «Страницы былого», «Художник и книга» — и удивлялась их простоте, мудрости и «снайперской» меткости образов и суждений, а читая записи, сопровождающие альбомы рисунков Татьяны Алексеевны — «Загорск», «Пути-дороги», «Гуси, лебеди да журавли...», всегда жалела о том, что они, эти записи, так кратки, что общаться с художницей хотелось бы и дальше, и больше, потому что смотрит она на мир взором мудрым, страстным, но и лукавым, а это ведь так редко встречается в нашей жизни!..

...Так вот, сегодня мы вновь обращаемся к Пушкину, «Евгению Онегину». Переворачивая страницы, Николай Васильевич читает книгу, читает наизусть любимые строфы — встречу Онегина и Татьяны на петербургском балу. И, действительно, тысячу раз прав Кузьмин — авторитет в нашей пушкинстике, я думаю, непререкаемый: «Всю нашу жизнь он (Пушкин. — Е. П.) сияет над нами, как незаходящее солнце. Он входит в память каждого из нас с детства».

Вспоминается наша последняя беседа...

— А что вы недавно читали, Николай Васильевич?

— Недавно «Бориса Годунова», от корки до корки... А вы любите это произведение?

— Люблю. Теперь ведь его экранизуют, вы знаете?

— Да, да, что-то там ставят... А вряд ли лучше Козловского кто-нибудь сыграет Юродивого!..

Николай Васильевич вглядывается в невидимую даль, будто через толщу лет...

— А вы знаете, «пушкин-

Самое главное — начать. Но как, на каких мажорных нотах начать статью о том, кто уже ушел, статью о Человеке, Художнике, Мыслителе; ушел и, казалось, навсегда закрыл за собой дверь в свой блистающий зачарованный мир. А, впрочем, я пишу-то не некролог, и мертвое слово это вряд ли уместно рядом с именем Николая Васильевича Кузьмина. И мир его по-прежнему открыт для нас, да и для людей будущего, стоит лишь взять в руки книгу, когда-то оформленную им, книгу, написанную им, книгу, которой бережно и любовно касались его легкие руки.

...У каждого из нас могут быть свои воспоминания. Надо только, чтобы в вашу жизнь вошел человек, рассказывая о котором — честно, без велемечия и самолюбования — вы будете делать многое — для настоящего, но сделаете еще больше — для

будущего. У многих, поверьте, у многих из нас есть такие воспоминания, которые, возможно, станут чем-то вроде семейной реликвии, а, возможно, и растворятся, уйдут в «ничто», разлетятся во прах. Воспоминания — хрупкий материал, память человека запечатлевает, хранит, возвращается к прошлому, но — она конечна.

Давайте вспоминать! Давайте — писать записки, осмысливать недавнее прошлое — для будущего, а вдруг это кому-нибудь пригодится — историку ли, этнографу, просто — любознательному человеку...

...Давайте вспоминать. Декабрь, конец года 1985-го. Это в нынешнем году морозы остужают головы и, казалось, сердца. А прошлая зима была более похожа на позднюю осень, и снег летел не жесткой стилой крупной,